

— Да нет, — Е Мянъ потянул его за собой, продолжая говорить на ходу, — я действительно хочу с ними подружиться.

— Это еще зачем? — искренне недоумевал Вэй Анъюань.

— Потому что они богаты.

— Что?!

Е Мянъ усмехнулся:

— Цзяннань испокон веков славится как самый богатый край в стране. Если в будущем захочется подзаработать серебра, то вести торговлю с теми краями — самый быстрый путь. Зачем же упускать готовые связи сейчас и не завести дружбу?

— Е-четвертый, ты что, с ума сошел от бедности? — только спустя некоторое время выдавил Вэй Анъюань. — Из четырех сословий торговцы стоят на самом низшем месте. Хотя у семей вроде наших и есть немало своего дела на стороне, кто из благородных господ станет задумываться об этом в столь раннем возрасте? Всеми этими делами обычно занимаются сыновья от наложниц.

Е Мянъ опустил глаза:

— Мне до этого нет дела. К тому же, я не такой, как вы. Семейные деньги из общей казны не в счет, мне нужно иметь собственные средства на руках, чтобы чувствовать себя спокойно.

Вэй Анъюань вздохнул:

— Как бы заместитель министра Е ни недолюбливал тебя, ты все равно законный второй сын от главной жены, и это усадьба заместителя министра финансов. Твою долю и то, что причитается тебе в будущем — неужели кто-то посмеет это тронуть?

— До этого не дойдет, но... — Е Мянъ горько усмехнулся. — Ты ведь знаешь, что мой отец души не чает в старшем брате, так что мы с ним не особо близки. И тебе прекрасно известно, что сыновья из знатных семей вроде нас хоть и кажутся окруженными роскошью, вкушая изысканные яства каждый день, но разве проживешь на то скромное ежемесячное содержание, что выделяется из общей казны? Нам обязательно нужны карманные деньги от родителей, чтобы ни в чем не нуждаться.

Немного помолчав, Е Мянъ продолжил:

— Каждую травинку и деревце во дворе моего старшего брата, все кисти, тушь, бумагу и тушечницы в его кабинете отец выбирал и проверял лично, отдавая ему только самое лучшее. В моем же дворе все обустроено в основном на средства матушки. Пока я мал, это кажется естественным, но через несколько лет, когда я повзрослею, неужели я продолжу тратить матушкино приданое? К тому же, начав учебу, мы тратим кучу денег на общение и поддержание связей, а терпеть лишения я не приучен, так что лучше начать планировать все заранее.

Губы Вэй Анъюаня дрогнули, но он так ничего и не сказал. Лишь тихо вздохнул и вместе с Е Мянem вернулся во Двор Цижуй.

На самом деле Е Мянъ задумался об этом только после недавней ссоры с заместителем

министра Е. Он опасался, что если в будущем не сдержит свой вспыльчивый нрав и по-настоящему крупно повздорит со стариком, то неужели ему, привыкшему, чтобы слуги ежедневно гладили даже его туалетную бумагу, придется пойти просить милостыню на улицах?

Не смешите. В этом жестоком, пожирающем людей мире он и трех дней не протянет — скорее сам наложит на себя руки.

В учебном классе двора Цинань.

Лу Личжэн злился на Дуань Люя:

— Зачем ты согласился пойти в их двор по приглашению этого типа по фамилии Е? Если хочешь, иди один!

Дуань Люй беспомощно покачал головой:

— Брат Чжэн, тебе нужно быть благоразумнее. Мы больше не в Цзиньлине.

— Дело не в моем возрасте или упрямстве, просто они явно замышляют недоброе!

— А мне кажется, вовсе не обязательно, — возразил Дуань Люй.

— Несколько дней назад они привели толпу в наш двор и устроили погром, из-за чего брат Ван до сих пор не может писать, — хмыкнул Лу Личжэн. — Не верю я, что этот парень по фамилии Е добрее бешеного пса Ци Е!

Стоявший рядом ученик тоже нахмурился и кивнул:

— Говорят, со Двором Цижуи ладить еще труднее, чем со Двором Цидэ. Этот Е Мян безжалостен, он посмел поднять руку даже на сына канцлера.

— Вот именно. Ци Е бесчинствовал на нашей территории, а тут придется идти к ним. Вдруг Двор Цижуи специально устраивает для нас «пир в Хунмэне»?

Лицо Дуань Люя тоже приняло серьезное выражение. Немного подумав, он произнес:

— Мне показалось, что этот молодой господин Е не такой уж плохой. Когда он говорил со мной, на его губах играла улыбка...

— Это всего лишь улыбка, за которой скрывается кинжал! Такие люди еще отвратительнее! — сердито перебил его Лу Личжэн.

Дуань Люй горько усмехнулся:

— Сейчас спорить бесполезно. Даже если это ловушка, нам все равно придется пойти. Просто прихватим с собой хорошую мазь от ран. Не забывай, ради чего Император отправил нас в Столицу. Раньше мы могли оправдывать свое затворничество во Дворе Цинань тем, что плохо переносим здешний климат, постоянно боеем, да и они не горели желанием с нами общаться. Но раз уж поступило приглашение, наш отказ породит неприятные слухи.

Лу Личжэн надул губы:

— Эх, будь здесь брат Чжуан Сюй, они бы точно не осмелились так наглеть!

Дуань Люй улыбнулся:

— Судя по подсчетам, он прибудет дня через три-четыре. Так что нам лучше нанести визит в ближайшие пару дней. Нельзя же допустить, чтобы Чжуан Сюй сразу по приезде попал с корабля на бал, приняв эту ловушку за приветственный пир.

Лу Личжэн невольно прыснул от смеха, а затем, поразмыслив, сказал:

— Ладно, на этот раз сделаем по-твоему! В любом случае, я их не боюсь. Если посмеют меня задеть, я пожалуюсь дяде, и он забросает их серебром до смерти!

На следующий день, отправляясь на учебу, Е Мяннь действительно прихватил с собой несколько ароматных плиток для благовоний, которыми обычно пользовались у него дома, и отдал их Моши.

Моши бережно убрал их в отдельную шкатулку из сандалового дерева с изображением багуа.

— Держи и это, поиграешь на досуге, — Е Мяннь протянул руку.

На ладони Е Мяння лежали несколько фигурных слитков серебра, отлитых в форме маленьких рыбок — очень изящных и милых. Еще перед Новым годом он попросил надежного человека отнести скопившееся в его комнате мелкое серебро умелому ювелиру за пределами усадьбы, чтобы тот переплавил его. Теперь, когда у Е Мяння появился собственный двор, на праздники или по особым случаям ему приходилось одаривать слуг. Медные монеты казались ему слишком громоздкими, а обычное рубленое серебро — неприглядным, вот он и придумал такой выход. Позже его матушка и невестка тоже сочли эту затею оригинальной и милой и поручили своим ювелирам изготовить несколько шкатулок с подобными золотыми и серебряными фигурками: яблоками, цветами сливы, тыквами-горлянками — чего там только не было.

Моши в нерешительности теребил подол своей одежды и не спешил протягивать руку.

Е Мяннь вложил серебро прямо ему в ладонь и с улыбкой произнес:

— Бери, безделушка ведь, просто ради забавы.

Всучив подарок, Е Мяннь развернулся и вышел — из-за занавески его уже вовсю звал Ли Чжао, надрывая горло.

Моши с удовольствием погладил серебряных рыбок, аккуратно спрятал их в кошель, спрятанный в широком рукаве, и повернулся, чтобы присмотреть за чайной печью, но тут его грубо толкнули назад.

Толкавшим его слугой оказался Мочу, который с насмешкой и раздражением уставился на него:

— Оставь такую черную работу, как присмотр за печью и подкладывание дров, нам, простодушным слугам. Разве не лучше будет, если ты пойдешь подавать чай и подливать воду господам?

У Моши от гнева перехватило дыхание:

— Что ты имеешь в виду?

Мочу усмехнулся:

— Тебе достаются все дела, где можно показать себя и выслужиться перед господином, а ты еще и недоволен?

Моши сверлил его взглядом добрую минуту, но так и не решился устроить сцену. Он лишь холодно хмыкнул и отошел в сторону складывать одежду.

Остальные слуги молча наблюдали за ними со стороны, никто не проронил ни слова.

Мочу хотел было что-то добавить, но Мохуа, который вместе с ним раздувал огонь веером, вполголоса остановил его:

— Хватит, замолчи. Его ведь привели сюда по приказу Молодого господина Е, и сейчас он у него на хорошем счету. Зачем тебе связываться с ним именно теперь?

Мочу запнулся и обиженно надул губы:

— Да просто он мастер подлизываться и вечно плетет интриги! Из-за него Мофу выжили в Столовый терем. Я ходил навестить его на днях, так он плакал навзрыд. Говорит, устает до полусмерти, всю самую грязную и тяжелую работу на него взвалили, да еще и тамошний управляющий его бьет...

— Тсс! — Мохуа сделал страшные глаза и прервал его. — Не смей больше об этом заикаться! Или ты тоже хочешь, чтобы тебя перевели из Двора Цижуй?

Мочу испуганно замолчал. В теплой комнате воцарилась тишина. Стоявший поодаль и складывавший одежду Моши лишь закатил глаза и мысленно выругался в их адрес.

Снаружи, в учебном классе, Ли Чжао развязно развалился на письменном столе и, размахивая в воздухе каким-то приглашением, воодушевленно разглагольствовал:

— Эй, скажите, о чем вообще думают эти ребята из Двора Цинань? Братец Мянь просто пригласил их заглянуть к нам развлечься во время перерыва между занятиями, а они прислали официальную визитную карточку!

Все, кто находился в классе, покатались со смеху. Вэнь Сюнь тоже нашел это забавным и добавил:

— Я за всю свою жизнь впервые получаю официальную визитную карточку. Обычно я видел такие только в кабинетах отца и старшего брата — вот такой толщины стопки лежали. — Вэнь Сюнь показал руками размер.

— Неужели они еще и подарки принесут, как при визите в чужой дом? — потирая подбородок, поинтересовался Жуань Юньшэн.

— А?! — все юноши растерялись. — И как тогда быть? Если они и вправду явятся с подарочными коробками, мы ведь не можем не сделать ответный жест.

— Но мы же не дома. Что тут подаришь в ответ? Разве что предложить им забрать с собой по набору кистей и бумаги?

Ха-ха-ха-ха!

Е Мянь взял визитку, которая со всех сторон выглядела крайне официально, внимательно ее осмотрел, покачал головой и вздохнул:

— Да уж, нас превзошли по части манер.

— В каком смысле? — не поняли остальные.

— Вспомните, как мы обычно ходим в гости в другие дворы.

Едва он произнес эти слова, как у входа раздался оглушительный грохот. Все обернулись на звук и увидели, как створку двери учебного класса кто-то с силой распахнул пинком снаружи.

В помещение бесцеремонно, развалистой походкой зашел Ци Е, накинувший поверх одежды черную накидку-хэчан. Ведя себя словно разбойник, он прямо с порога прокричал:

— Ли Чжао здесь?

Все во Дворе Цижуй покатались со смеху:

— И правда превзошли! Слишком уж мы грубые. Больше никогда так делать не будем!

<http://bllate.org/book/18289/1753822>